

Люди и события, описанные в этой книге, являются вымышленными. Возможное совпадение имен героев с именами действительно существующих людей случайно. Реальными прошу считать только Западную Африку, Амазонию и Ближний Восток. Они действительно такие, какими их увидел главный герой. И какими однажды увидел их я. Мой друг, журналист Сергей Потимков, прочитал мне как-то свое стихотворение, из которого мог бы получиться отличный эпитафия:

Качались белых туч султаны,
И луч печальной тишины
Открыл мне тайну — эти страны
Мы не полюбим без войны.

Но эпитафия к чему? У этого романа свои эпитафии, и я не вправе их менять. Знаете почему? Потому что придуманные тобой герои начинают жить своей жизнью. Не ты пишешь диалоги. Они сами ведут свой разговор посредством твоей руки. Тебе кажется, что ты придумываешь сюжетную линию, а она, вопреки твоему желанию, сама складывается в причудливый запутанный вензель. Потому что это не линия сюжета, а линия судьбы. Героев.

Герои. В этой книге они совершают героические поступки. А потом — сразу же после того как! — с легкостью превращаются в подонков. «Так не бывает», — возможно, скажете вы. Бывает. Черный цвет, встречаясь с белым, всегда рождает серый. Зеркало, в которое вы смотрите, некому протереть до идеальной чистоты.

После первой своей командировки в «настоящую» горячую точку мне показалось, что я понял все о войне. Как журналист. Психолог. И стратег. Стратегия оказалась доморощенной. Психология — надуманной. Десять лет спустя я внезапно почувствовал, что о войне ничего не знаю. Потому что истинное благородство чувств и поступков — там! — я встречал у людей, которые в мирной, спокойной обстановке были подонками и негодяями. А общепризнанный пример для подражания как-то быстро терял в зоне боевых действий все свои положительные качества. Грязь и гниль никогда не бывает черной. Только серой.

Я писал эту книгу от случая к случаю. Иногда терял к ней интерес. А иной раз стучал по клавишам изо дня в день. Я же говорю: герои начали жить самостоятельно и сами вели свою историю туда, куда им заблагорассудится. У меня на глазах они жестоко сражались друг с другом, торговали оружием и алмазами, бросались миллионами и тряслись над грошами. И любили друг друга — так откровенно, что от неловкости хотелось отвернуться. Но мне пришлось досмотреть их историю до конца. До последней строчки. Впрочем, военные люди, а также путешественники и авантюристы всех мастей никогда не говорят «последней», но только «крайней». Я не предал своих героев. И хочу, чтобы до крайней — крайней! — строчки вы тоже оставались с ними.

С уважением к своим читателям и своим героям,
Андрей Цаплиценко

С чего все началось

Я никогда не задумывался над этим вопросом, потому что на это просто не было времени. И только сейчас, когда я оказался лишен возможности действовать, я принялся вспоминать. И вспомнил ту ключевую фразу, и даже ту интонацию, с которой произнес ее Леша Ломако:

— Целься в яйца! Стреляй в пах!

Неужели это и было началом всего?

«В голову попасть трудно, — пояснял Алексей, только-только вернувшийся из какой-то секретной дальней арабской страны. — В сердце — бессмысленно. Получив пулю в сердце, человек может еще некоторое время бежать и стрелять. Тебе ведь главное не убить врага, а обезвредить его. Поэтому целься в яйца».

Предельно простое объяснение, изложенное ровным тоном. Ну, может быть, не совсем ровным, ведь я был в наушниках, а под ними, в ушах, еще гудел грохот пушечных выстрелов, минуту назад многократно отраженный бетонными стенами стрелкового тира.

Это был самый обычный тир, стоявший посреди парка на окраине рабочей слободки. Зимой в тире было слишком холодно, летом — жарко. С первым снегом на огневом рубеже зажигались газовые обогреватели, которые недовольно шипе-

ли всякий раз, когда завхоз подносил к ним спичку — только так их можно было зажечь. Но мощности газовых горелок явно не хватало. Рубеж бойницами выходил на огневую зону. Она находилась под открытым небом, и холодный ветер заносил обрывки холода и снегопада в окошки бойниц, срывая фанерные заслонки. Благословенные и спокойные семидесятые были в самом разгаре. Молчаливый и ленивый апогей застоя уже разметил будущее всех и каждого, наполнив воздух недоговоренностью военных тайн. И одной из этих тайн — для меня, во всяком случае, — был Леша Ломако, тренер по стрельбе.

Однажды нам, бесцельно шатавшимся по городу семиклассникам, захотелось подержать в руках настоящее оружие. По этому поводу мы забрели в стрелковый клуб на окраине. «Дадите пострелять?» — спросили мы на входе. «Дадим, чего ж не дать, — ответили нам. — Но только сначала надо записаться».

Очень скоро мне стало понятно, что стрелковый спорт ничего общего с романтикой не имеет. Тяжелый пистолет нужно научиться держать, как влитой, затаив дыхание и выжидая момент, когда указательный палец может начать свое плавное движение, вопреки сопротивлению курка. Сейчас будет выстрел, говорит тебе внутренний голос, и сердце начинает учащенно биться. Но вот этого как раз и не нужно делать, в смысле, обращать внимание на провокации своего испуганного естества. А внутри металлического зверя весом всего девятьсот десять граммов в этот момент происходят удивительные вещи. Начинает работать самая простая и совершенная механика в мире. Спусковой крючок с усилием тянет за собой шептало, и вот-вот, сорвавшись, стальной спуск нанесет

внезапный мощный удар по капсюлю. И патрон расколется надвое. Свинцовая пуля помчится по черному круглому тоннелю, четко следуя нарезке, как вагонетка в шахте по бесконечным рельсам. Только, в отличие от вагонетки, для пули тоннель ствола очень быстро кончается, за тысячные доли секунды. Вращаясь, она вылетает на свободу и следует к своей цели, а затвор вместе с рамой движется в обратную сторону, выбрасывая отстрелянную гильзу и тут же устанавливая на ее место новенький хорошо смазанный патрон.

Большинству моих товарищей очень скоро наскучил тир и рутина строго регламентированного обращения с оружием, которое можно направлять исключительно в сторону круглой мишени на расстоянии двадцати пяти метров от стрелка. Лучше уж погонять мяч по зеленому футбольному полю. Или подраться в парке с ровесниками из поселка Артема — они часто с риском для здоровья забредали на нашу территорию. Ну, а у меня не складывалось ни с футболом, ни с драками. Я был круглым — почти как футбольный мяч, — толстеньким маменьким сыночком, да еще и с дурацкой фамилией Шут. Надо мной смеялись, и что самое обидное, смеялись девчонки. Нелегко догадаться, какое именно прозвище я мог получить с такой фамилией.

За глаза меня называли Клоуном, и это прозвище очень прочно приросло ко мне в школе, отчасти еще и потому, что я был стеснителен, рассеян, часто говорил невпопад и, соответственно, как коверный в цирке, попадал в разные забавные ситуации. Забавными они, впрочем, были для сторонних наблюдателей. А для меня они были полны страданий, моральных и физических. Мой бутерброд всегда падал маслом вниз, никогда не нарушая закона Мерфи. И сам я, поскользываясь

зимой на замерзших лужах — их у нас метко называли «скользанки», — летел носом вниз, в отличие от своих более удачливых «корешей», набивавших о жесткий лед только мягкие части тела.

Сдавленный возглас, мокрый хлопок, и на льду оставалась красноватая липкая клякса. Я падал. Они смеялись. Но на них я никогда не обижался, потому что в их смехе не было злорадства. Моей безобидной неловкостью по-настоящему наслаждались те, кто был старше меня. И, соответственно, имел гораздо больше прав.

Учителя, вызывая меня к доске, как мне казалось, всегда ехидно улыбались, произнося мою фамилию. Обычно это происходило так. Наш учитель истории Игорь Арнольдович Бевза, человек с безволосым лицом, очень похожим на маску Фантомаса, поднимал меня с места окриком: «Шут, к доске!» Юля Семенова, наша первая красавица и отличница, тут же откликнулась своим нежным голоском: «Клоун, на арену!» Класс дружно смеялся. Всем было очень весело. Кроме меня. Игорь Арнольдович и не думал останавливать внезапный приступ веселья и даже сам ухмылялся безгубым ртом. Именно он был моим обидчиком, а не красивая малолетняя дурочка. Он уничтожал мое достоинство с помощью моих одноклассников, сам умывая при этом руки. Тогда я это еще не мог понять разумом и только в глубине души чувствовал ненависть к учителю. Мне очень хотелось его ударить. Я ведь не трус и драки не боялся даже тогда, в шестом классе, когда совсем не умел драться. Но вот с особями противоположного пола я не мог воевать никогда. Никогда не мог поднять руку на женщину, даже в столь юном и вредном возрасте. Я бы набросился с кулаками на историка, потому что в глубине

души понимал: это именно он провокатор и это он хочет уни- зить меня. Но он так и оставался безнаказанным, пользуясь привилегией своего возраста и положения. В общем, расстро- енный, растерянный и нервно раскрасневшийся, я шел к доске и произносил вслух явные исторические глупости, невольно подтверждавшие правоту Семеновой.

Как выяснилось, она их даже записывала в свой блокнотик и на выпускном вечере, выпив бокал портвейна, прилюдно озвучила. Все не помню, одна только врезалась в память: «Войска Степана Разина успешно шли на Москву, пока не встре- тились с регулярными частями Красной армии». Да, весело. Думаю, что сейчас я вполне смог бы в кратчайший срок обес- печить все войско Степана Разина наилучшим вооружением по самым низким ценам, и тогда хрен бы кто его остановил. Даже Красная армия.

Очень жалею, что тогда я не умел драться. С детства зани- мался музыкой, которую безумно не любил. Почти все свобод- ное время, которое оставалось после пытки черно-белыми клавишами, моя мама распределяла поровну между англий- ским, французским и немецким языками. Эти занятия я с дет- ства считал бесполезными и даже более — вредными. Особое отвращение вызывал у меня немецкий. Потом уже, повидав многое в этом мире, я понял, что это было сродни отвращению на генетическом уровне. Видимо, очень не любил немцев мой дед, отсидевший в немецком лагере для военнопленных где-то под Львовом, бежавший к своим и потом, в конце войны, въе- хавший на своей «тридцатьчетверке» в Берлин.

Впрочем, много лет спустя я вынужденно признал, что моя мама все делала правильно. Пускай она ошиблась насчет музы- ки, и второго Рахманинова из меня не вышло, зато я первый

и единственный в своем роде. Андрей Шут стал тем, кто он есть, во многом благодаря тому, что в моей голове нашлось место и функциональному конструктивизму английского, и грассирующей изысканности французских фраз, и даже длинным и неуклюжим, похожим на сороконожек, немецким словам.

Ну, а по поводу драк дело обстояло так. Чтобы обрести мужское достоинство, я начал постоянно ввязываться в какие-то стычки и постоянно бывал крепко битым. Меня сбивали одним ударом под дых. В первые же минуты конфликта. Били кулаком по голове. Ставили подножку и потом наваливались всем гуртом на мое толстое беззащитное тело. Но эффективнее всего меня сбивал с ног прямой короткий удар в переносицу. Нос мой всегда был слабым местом, он предательски не держал удар, и получив его, я стремительно падал наземь, даже раньше, чем, собственно, вязкие красные капли из моего носа.

Всем тем, кто выходил победителем из драк, стрелковый клуб скоро наскучил. И я у молодого тренера Леши Ломако остался один. Он первый из всех моих знакомых взрослых не стал смеяться над моей фамилией.

«Шут — это хорошо, — сказал он, записав ее в журнал стрелкового клуба. — «Шут» это по-английски означает «стрелять». Значит, на руду тебе, Андрюша, написано быть стрелком».

Он ошибся. Стрелком я по-настоящему так и не стал. Я любил оружие, как любят зверей в зоопарке. Восхищаясь грацией хищника с безопасного расстояния. Для того чтобы стать настоящим стрелком, этого недостаточно. Но зато моих знаний об оружии вполне хватило, чтобы освоить профессию Мальчиша-Плохиша, который подносит буржуинам патроны. Могу похвастаться лишь только тем, что я лучший Плохиш на этой планете.

СОДЕРЖАНИЕ

С чего все началось	7
Украина. Семейное дело	16
Афганистан. Премия за рейс	22
Либерия, аэродром Сприггс, май 2003. Маргарет	27
Либерия, Монровия, май 2003. «Бунгало»	53
Афганистан, аэропорт Кандагар, январь 1989. Перстень	57
Либерия, Монровия, май 2003. Бутылка «коняги»	64
Либерия, Монровия, май 2003. Утро в чужой постели	74
Либерия, Монровия, май 2003. Санкара и Калибали	88
Либерия, давным-давно в окрестностях Монровии. Гриссо	95
Либерия, Монровия, май 2003. Йагге и сома	107
Либерия, Монровия, май 2003. В гостях у Его Величества	119
Либерия, Монровия, май 2003. Предложение	134
Либерия, Монровия, май 2003. Неугомонный журналист	142
Колумбия. FARC	156
Колумбия. «Корявый дуб»	177
Эквадор. Утро после Мокоа	220
В небе над Эквадором. Ужин с виски	234
Эмираты. Мои люди	235
Иордания—Ирак—Гваделупа. Рейс на три миллиона	247
Воздушное пространство Колумбии. Груз	263
Гавайи. Координаты	276
Эмираты. Майор Ахмед	278
Либерия, Монровия, май 2003. Интервью за паспорт	289
Либерия, окрестности Монровии, июнь 2003. Акула	300
Либерия, Монровия, июнь 2003. Полуголый премирник	309

Либерия, Монровия, июнь 2003. На прииски	326
Либерия, восточное шоссе, июнь 2003. Микроволновка на колесах..	340
Либерия, пограничная деревня, июнь 2003. Симба.	356
Эмираты, Дубай, июнь 2003. «В Ганту, Петрович!»	358
Либерия, Ганта, июнь 2003. Сталь и алмаз.	364
Либерия, Ганта, июль 2003. Последний «Ил».	373
Либерия, Монровия, июль 2003. Река Святого Павла	385
Либерия, Монровия, июль 2003. Блокада.	405
Либерия, Монровия, июль 2003. Три встречи.	413
Либерия, Монровия, июль 2003. Другая Маргарет.	419
Либерия, порт Монровия	459
Либерия, Монровия, июль 2003. «Бриджстоун».	466
Атлантика. Территориальные воды Кот-д'Ивуар.	
Фляга с начинкой.	481
Кот-д'Ивуар, Абиджан, июль 2003. «Виски и-го-го!»	491
Август 2003. Из Африки	520
Май 2007. «Полонски».	526